

В. Г. Минина
г. Минск, Беларусь

ВОЙНА В РОМАНЕ К. АТКИНСОН «ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ»:
ВЗГЛЯД ИЗ ЛОНДОНА И БЕРЛИНА

Одной из магистральных тем романа современной британской писательницы Кейт Аткинсон «Жизнь после жизни» (*Life after Life*, 2013) является тема войны. Свою заинтересованность военной тематикой писательница объясняет тем, что, по ее мнению, людей больше всего интересует тот период

истории, в котором им не удалось пожить либо они были бы там, будь они несколькими годами старше. Родившись в 1951 году, Кейт Аткинсон не была ребенком войны, но считает бомбежку Лондона, не прекращавшуюся почти 2 месяца, самым напряженным моментом в истории своей страны. Ей как исследователю человеческой души хочется разобраться, как это повлияло на характер людей, что они тогда чувствовали. При написании романа она прочитала большое количество воспоминаний и свидетельств людей, переживших этот ужас. Будучи мастером слова, К. Аткинсон захотела отдать должное стоицизму тех людей и сделать это единственно возможным способом – написав о них, используя весь арсенал доступных писателю средств. В частности, она говорит: «If I could choose a period to go back to I think I would like to live through the blitz because you do read so many accounts of people who say they were living their lives at such an intense pitch that it was a completely different way of living. And to be so near death, as well, must have – you know, to be in touch with a constant fear of death or experience of death in others, I think that must have really changed people» [1].

В романе повествуется о двух мировых войнах, прокатившихся в прошлом столетии по европейскому континенту. О Первой мировой автор говорит несколько вскользь и опосредованно – читатель не становится свидетелем военных событий, он просто соприкасается с ними через героев, которые сначала отправляются на фронт, нервно стоя на вокзале в окружении своих близких, а потом с нее возвращаются. Читатель слышит лишь эхо войны и может о ней судить по ее воздействию на жизнь героев – это не война как таковая, это то, что она делает с людьми или, используя терминологию российской исследовательницы О. Г. Сидоровой, можно сказать, что это «кануны и последствия» [2, с. 224]. Подобный авторский метод сохраняется и в описании Второй мировой войны – через призму судеб героев, однако здесь читатель уже собственными глазами видит и предвоенную Британию, и Германию, и толпы молодежи, с благоговением приветствующие Гитлера, и разрушенный непрекращающимися бомбежками Лондон в начале войны, и руины Берлина в ее конце.

Таким образом, Вторая мировая война изображается автором в основном через описание блицкрига – бомбежек Лондона, разрушенных в их результате зданий, спасательных отрядов, разбирающих завалы: *Если бы не грохот, все это могло бы показаться живописным ночным празднеством, но грохот был такой, будто разверзлись врата ада и выпустили наружу вопли всех проклятых на муки вечные* [3]. Рисуя ужасы бомбежки глазами героини, К. Аткинсон показывает, как то, где еще минуту назад была налаженная жизнь, семейные радости, уютный быт, превращается в груды обломков и пыли. Ухо отказывается воспринимать новые звуки, и в первые секунды происходит обман слуха, когда вместо звука падающего здания кажется, что сходит лавина в горах: *Земля содрогнулась, <...> Урсула почувствовала, как что-то сдвигается с места, и услышала скрежет, напоминающий падение гравия в преддверии схода горной лавины. Но это посыпались обломки, а не*

гравий. Снаружи высилась не гора, а безобразная груда – все, что осталось от частного дома, точнее, от нескольких, которые теперь оказались перемолоты и вдавлены один в другой. Еще полчаса назад эти обломки были жилищами, а теперь на их месте выросло адское нагромождение кирпичей, раздробленных балок и половиц, мебели, картин, ковров, постельного белья, книг, посуды, линолеума, стекла. Человеческих тел. Обломки жизней, которые никому не дано восстановить [3]. Однажды Урсула сама стала жертвой ночного авианалета, очнувшись в подвале здания, в котором мгновение назад была ее квартира: Она лежала на спине прямо в луже, но это обстоятельство поначалу не очень ее беспокоило. Хуже всего была жуткая вонь. В ней смешалось несколько запахов, один отвратней другого, и Урсула попыталась определить составляющие. Зловоние газа (кухонного), мерзкая гниль помойки – они просто душили. К ним примешивался сложный коктейль из застарелой мокрой штукатурки и кирпичной пыли, различных примет человеческого быта: обоев, белья, книг, тряпни, а также кислый, чуждый запах взрывчатки. Словом, все признаки мертвого дома [3].

За несколько минут до этого Урсула, спускаясь в подземное бомбоубежище, столкнулась на лестнице с соседкой, милой и приветливой, которая всегда была добра к Урсуле; когда начался авиаудар, та поспешила забежать в квартиру, а потом стала спускаться в убежище, но не успела этого сделать. Раненая, истекающая кровью и не имея возможности пошевелиться, Урсула могла лишь наблюдать за происходящим. Она не сразу поняла, что же предстало перед ее глазами: Со дна колодца Урсула видела, что большая часть хлипкой стены между ее жилищем и квартирой миссис Эппльярд пропала. Глядя вверх сквозь раздробленные половицы и полуобрушенные балки, она увидела платье, безвольно поникшее на вешалке, зацепившейся за вбитый в рейку для картин гвоздь. Эта рейка для картин находилась в гостиной Миллеров, живших на первом этаже: Урсула опознала блеклые обои с пышными розами. Сегодня вечером она видела это платье на Лавинии Несбит – тогда оно имело цвет горохового супа (и свисало с плеч владелицы, как теперь – с вешалки). Взрыв припорошил его серой пылью и переместил на нижний этаж [3]. Как оказалось, это было не платье на вешалке, а тело соседки, зацепившееся за перекладину.

Война стала неотъемлемой частью каждого человека, проникла в каждую его клеточку, переплелась с его судьбой. Описывая трагедию происходящего, К. Аткинсон задействует различные органы чувств, что делает повествование осязаемым и создает эффект присутствия там читателя: Непроглядный, предательский мрак усугубляла плотная завеса пыли и дыма, зловещим облаком висевшая в воздухе (зрение); Зловоние, как всегда, было удушающим. К запахам газа и взрывчатки примешивался противоестественный дух разлетевшегося в щелки здания. От него не было спасения (обоняние); Старой шелковой косынкой Урсула закрыла нижнюю часть лица, как делают бандиты, но пыль и вонь все равно проникали ей в легкие. Смерть и тлен круглыми сутками оседали у нее на коже и волосах, лезли

в ноздри, в горло, забивались под ногти. Врастали в нее (осязание) [3]. Временами людям казалось, что от войны нет спасения, и так будет всегда.

Схожие чувства испытывали немцы: то, что было в столице Великобритании в начале войны, настигло немцев в ее конце. Описывая разрушения, автор показывает Берлин в 1945 году, однако при этом не говорит о немцах как о врагах, не рисует картины кровавых сражений. Ее цель – посмотреть на жизнь простых граждан по обе стороны линии фронта, и если опустить из повествования географические названия, то читатель вряд ли отличит Лондон от Берлина: *Над ними все еще высился жилой дом, хотя большую часть фасада снесло бомбой. Они ходили на верхние этажи в поисках чего-нибудь полезного. <...> лестница была завалена обломками. Урсула с Фридой привязывали тряпками к коленям рваные подушки, надевали прочные кожаные перчатки, оставшиеся от Юргена, и в таком виде неуклюжими обезьянами карабкались по камням и битому кирпичу. Их интересовало то единственное, чего не водилось в их собственной квартире: съестное. Вчера они три часа отстояли в очереди за буханкой хлеба. А стали есть – и не почувствовали вкуса муки, хотя из чего же тогда его выпекли – из цементной пыли вперемешку со штукатуркой? <...> Поговаривали, что в восточных районах люди уже едят траву. Повезло им, думала Урсула, в Берлине травы не сыщешь, только черные останки столицы, некогда гордой и прекрасной [3].* История повторилась, но в другое время и в другом месте – она, словно лавина, опять все сносила на своем пути, никого и ничто не щадя.

Вот как объясняет автор свое намерение заставить героиню пережить бомбежку не только в Лондоне, но и в Берлине: “I hadn't really intended her to be in Berlin during the bombing, but it seemed only right in a way because obviously the London blitz was a terrible thing, but you know, what happened in Germany was infinitely worse in that ... Germany was almost destroyed as a country and so many more people died. And something that struck me as well, reading a lot of the mass observation diaries of ordinary people, was that Germany was not felt to be the enemy — it was Hitler who was felt to be the enemy and the Nazis; that people had holidayed in Germany, they had German pen friends, they admired German culture and they were very worried about the fact that Germany was the enemy. And I wanted to show that really, in a way, it could have been us, we could have been the fascists” [1].

Удивительно, но автор позволяет нам судить о разрушительном воздействии войны и по тому, как женщины одевались после ее окончания: все жили впроголодь, дома не отапливались, продуктов было мало, их было сложно достать, одежду штопали по несколько раз, носили что-то удобное и теплое – тут было не до того, кто как выглядел, главное, чтобы было тепло. Вот как героиня с юмором описывает свой гардероб: *Даже неплохо, подумалось ей, что война отучила ее форсить. Сегодня она надела – именно в такой последовательности, от нательного белья до верхней одежды, – трикотажную майку с короткими рукавами, фуфайку с длинными рукавами, свитер с длинными рукавами, кофту и, наконец, с трудом натянула поно-*

шенное зимнее пальто от «Питера Робинсона», купленное за два года до начала войны. Ну и конечно, обычный комплект лнялого белья, толстую твидовую юбку, серые шерстяные чулки, варежки поверх перчаток, шарф, шапку и старые материнские сапожки на меху. Горе мужчине, который внезапно воспылал бы к ней страстью [3]. Англичане никогда не перестают шутить и подтрунивать – как над собой, так и ситуаций, что позволяет им переживать самые сложные времена.

Что отличает Берлин от Лондона, так это предвоенные годы, когда многие в Германии не просто поддерживали Гитлера, но и восхищались им. Автор сначала показывает это на примере молодежи, которая полдня могла провести в жару под палящим солнцем, без еды и воды в ожидании, когда, возможно, мимо них проедет фюрер. Описывая эту сцену, автор отмечает, что некоторые девочки даже прилегли от усталости, но «никому и в голову не пришло оставить эту затею и уйти, хотя бы мельком не увидев вождя» [3]. Когда его кортеж все же появился, началось нечто невообразимое: *уже слышались приветственные возгласы, и все вскочили на ноги. Мимо них пронесся большой черный автомобиль, и некоторые девицы завизжали от восторга, но его в машине не оказалось. Следом показался роскошный «мерседес» с открытым верхом и трепещущим на капоте вымпелом со свастикой. Ехал он медленнее, чем предыдущий автомобиль, и действительно вез нового рейхсканцлера. Фюрер небрежно салютовал, забавно откинув назад ладонь, словно подносил ее к уху, чтобы лучше слышать обращенные к нему приветствия* [3]. Девушки кричали в экстазе, говорили, что жизнь прожита не зря, пребывали в приподнятом настроении, а потом, построившись в шеренгу, с песней пошли обратно.

В своем благоговении перед Гитлером взрослые не уступали подросткам, хотя в их случае это уже был более осознанный выбор. Однажды героиня оказалась со своим мужем-немцем на параде в честь дня рождения фюрера. Там были танки, мотоциклы, бронемшины, кавалерия – радовавшая глаз высокопоставленных немцев демонстрация военной мощи страны, которая, казалось, не собиралась ни с кем воевать: *«Парад символизировал непонятную для Урсулы любовь к порядку и геометрии. В этом смысле он ничем не отличался от других парадов и митингов (сугубо театральных зрелищ), но производил более воинственное впечатление. Количество боевой техники не укладывалось в голове – страна вооружилась до зубов! Раньше Урсула об этом не думала. Теперь стало понятно, почему рабочих мест хватает на всех. «Как говорит Морис, чтобы поднять экономику, надо развязать войну», – писала Памела. А зачем еще такое количество вооружений, если не для войны?»* [3] В отличие от британки Урсулы присутствующие на параде немцы смотрели на происходящее с воодушевлением и нескрываемой гордостью, считая, что за последние годы они стали свидетелями возрождения духа страны, вынужденно капитулировавшей в конце Первой мировой войны. Однако больше всех, как иронизирует автор, фюрера любили женщины: *«Они тысячами присылали ему письма, домашние*

кексы, подушки и подушечки с вышитыми свастиками, истоиво толпились вдоль дороги на Оберзальцберг <...>, чтобы хоть одним глазком увидеть его в большом черном «мерседесе». Многие кричали, что хотят от него ребенка [3].

Еще один штрих к отношению немцев к своему фюреру автор добавляет эпизодом о Еве Браун. Главная героиня волею судьбы оказалась с ней знакома, и Ева пригласила ее вместе с дочерью в поместье в горах. Муж Урсулы, на тот момент занимавший хороший пост в правительстве, испугался, что его своенравная и независимая жена может отклонить столь благосклонное и полезное приглашение. От неожиданности и из-за боязни, что жена поведет себя неподобающим образом, он стал говорить очень быстро и короткими, словно рублеными фразами: *Надо же – твоя знакомая! Нам-то это выгодно, правда? Быть поближе к трону. Выгодно для моей карьеры, а стало быть, и для нас с тобой. Liebling, – для порядка добавил он* [3]. Урсула придерживалась другого мнения (*от трона лучше держаться как раз подальше* [3]), но поехать согласилась ради дочери, который был полезен свежий горный воздух. Чем выше ее супруг поднимался по карьерной лестнице, тем больше Урсула понимала, что она его плохо знает, тем больше в нем стали проявляться лояльность к фюреру, воинственность и жестокость. Узнав, что его супруга познакомилась с Евой Браун через свою приятельницу, с которой Ева ходила еще в детский сад, Юрген не сдержался и не смог скрыть своего истинного лица: *А знает ли фройляйн Ева Браун, что ее подруга детства Клара замужем за евреем? Урсулу поразило, как он произнес это слово. Jude. С презрительной издевкой – раньше за ним такого не водилось. Ее как будто ударили в самое сердце* [3].

Хотелось бы обратиться еще к одному событию в романе, произошедшему, когда Урсулу, жившую в Берлине, навестила мать – утонченная и женственная британка, острая на язык и никого не боявшаяся. Они вместе отправились на парад, который Сильви назвала «суетой» (*Как это по-британски – низвести Третий рейх до уровня «суеты»*), – отрефлексовала впоследствии Урсула). Причем абсурд и трагизм ситуации еще больше подчеркиваются британским юмором: *Улица пестрела красно-черно-белым лесом. «Уж очень резкие у них цвета», – произнесла Сильви, как будто речь шла о том, чтобы пригласить национал-социалистов для отделки гостиной* [3]. С приближением фюрера толпа стала неистоиво его приветствовать: *Неужели я единственная, на кого это не действует? – спросила Сильви. – Как по-твоему, что это: новый вид массовой истерии?* [3] На что дочь ей ответила: *это «новый наряд короля». Мы с тобой единственные, кто видит, что король – голый* [3]. Чтобы не выделяться из толпы, Урсула заставила мать поднять руку в знак приветствия вождя, которого Сильви не преминула назвать клоуном. Последующие размышления, которым Урсула, вероятно, предавалась уже много лет спустя, созвучны с позицией самой писательницы, желавшей разобраться, каковы были мотивы людей, живших в то время: *Сильви с неохотой вскинула руку. Урсула тогда подумала, что до конца*

своих дней будет помнить, как ее мать салютовала вместе с нацистами. Конечно, говорила себе Урсула по прошествии нескольких лет, дело было в тридцать четвертом, когда совесть еще не съезжилась и не смешалась от страха, когда с глаз еще не спала пелена, заслонявшая близкие события. А может, это просто было ослепление от любви или банальное недомыслие [3].

Таким образом, роман К. Аткинсон «Жизнь после жизни» – это еще одно повествование о маленьком человеке, беспомощном и беззащитном перед лицом разрушительной силы, сметающей все на своем пути и превращающей жизнь человека в тлен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Author Interviews. “Life After Life,” The Many Deaths And Do-Overs Of Ursula Todd [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.npr.org/2013/03/30/175605206/life-after-life-the-many-deaths-and-do-overs-of-ursula-todd>. – Date of access : 16.11.2021.
2. Сидорова, О. Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 / О. Г. Сидорова. – М. : РГБ, 2006. – 333 с.
3. Аткинсон, К. Жизнь после жизни [Электронный ресурс] / К. Аткинсон. – Режим доступа : <https://flibusta.site/b/352242/read>. – Дата доступа : 18.11.2021.